

Василій III.

Такимъ образомъ, боярская крамола не удалась, и по смерти Ивана III великимъ княземъ и государемъ всея Руси сдѣлался сынъ Ивана и Софьи, Василій III.

Присоединеніе Пскова и Рязани. На обширномъ пространствѣ государства, которое досталось ему, только два удѣла не принадлежали вполнѣ московскому государю: часть Рязани и Псковъ.

Вольный городъ Псковъ былъ всегда друженъ съ Москвою и вѣренъ ей государю. Внутри города тамъ не было такихъ смуть, какъ въ Новгородѣ, раздоры случались только съ московскими намѣстниками. Такою ссорю воспользовался Василій III и рѣшилъ покончить съ независимостью Пскова. Разъ пріѣхалъ Василій въ Новгородъ, и туда явились къ нему съ жалобами другъ на друга намѣстникъ его и посадники псковскіе. Въ самый праздникъ Крещенія по государеву приказу псковскіе посадники и старосты прямо съ Иордани пришли на государевъ дворъ и собрались въ палатѣ. Сюда вошли московскіе бояре и ска-

зали: «Пойманы вы Богомъ и великимъ княземъ Василиемъ Ивановичемъ всея Руси». Всѣхъ ихъ переписали и отдали новгородцамъ беречь и кормить.

Участь посадниковъ стала извѣтна во Псковѣ, и псковичи впали въ страхъ и трепетъ и тоску. Собрались они на вѣче, напомянувши тутъ крестное цѣлованіе и порѣшили, что сопротивляться государю нельзя. Между тѣмъ отъ великаго князя пріѣхалъ во Псковъ дьякъ Третьякъ Долматовъ и объявилъ отъ имени государя: «Если отчина моя хочетъ прожить по старинѣ, то должна исполнить двѣ мои воли: чтобы у васъ вѣча не было и колоколъ вѣчевой былъ бы снятъ, быть у васъ двумъ намѣстникамъ; да велѣлъ государь вамъ еще объявить, что хочетъ побывать на поклонъ къ Святой Троицѣ во Псковѣ». Посолъ еѣлъ на ступени, дожидаясь отвѣта, а псковичи, поплакавъ, сказали: «Посолъ государевъ, подожди до завтра, мы подумаемъ и обо всемъ тебѣ скажемъ». И снова поднялся плачь среди псковичей; «какъ зѣницы не выпали у нихъ вмѣстѣ со слезами, — говоритъ ихъ лѣтописецъ, — какъ сердце не оторвалось отъ корня своего». На другой день на разсвѣтѣ зазвонили въ вѣчевой колоколъ, и псковичи въ послѣдній разъ собрались на вѣче. Здѣсь они держали такую рѣчь къ государеву послу: «Въ лѣтонисяхъ нашихъ написано, съ прадедами, дѣдами и съ отцами великаго князя крестное цѣлованіе положено, что намъ, псковичамъ, отъ государя своего великаго князя не отходить. А теперь Богъ воленъ да государь въ своей вотчинѣ, городѣ Псковѣ, и въ насъ и въ колоколѣ нашемъ, а мы прежней присягѣ своей не хотимъ измѣнить, мы на государя руку поднять и запереться въ городѣ не хотимъ, а хочетъ государь нашъ великій князь помолиться Живоначальной Троицѣ и побывать въ своей отчинѣ во Псковѣ, то мы своему государю рады всѣмъ сердцемъ».

Долматовъ снялъ вѣчевой колоколъ и повезъ его къ великому князю, а псковичи съ плачемъ проводили его.

Скоро самъ великій князь пріѣхалъ во Псковъ; псковичи встрѣтили его за три версты отъ города и ударили челомъ въ землю. И сталъ послѣ того Псковъ мо-

сковскимъ городомъ, какихъ много было подъ властью Василія.

Черезъ 10 лѣтъ и Рязань была присоединена къ Москвѣ, и русская земля собралась подъ властью московскаго государя.

Только у литовскаго князя были еще обширныя русскія земли, но Василій считалъ и ихъ своею вотчиной, подобно отцу называлъ себя государемъ всея Руси. Долго воевалъ съ Литвою и отнялъ у нея древній городъ Смоленскъ.

Набѣгъ крымскаго хана. Съ крымскими татарами онъ не могъ соблюдать отцовскую дружбу, такъ какъ ханъ, не имѣя болѣе соперника въ Золотой Ордѣ, сталъ враждовать съ Москвою и нападать на ея окраины. Много горя съ тѣхъ поръ стала Москва видѣть отъ крымцевъ. Въ 1521 году крымскій ханъ, соединившись съ ханомъ казанскимъ, неожиданно напалъ на самую столицу.

Давно Москва не видала врага передъ своими стѣнами и была застигнута врасплохъ. Василій по обычаю ушелъ полки собирать, а воеводы, растерявшись, вошли въ переговоры съ ханомъ и дали хану грамоту, въ которой отъ имени великаго князя обязались платить ему дань. Ханъ ушелъ, обремененный добычей, но грамотою владѣлъ недолго.

На возвратномъ пути онъ подошелъ къ Рязани, въ которой начальствовалъ московскій воевода Хабаръ, и сталъ требовать къ себѣ въ станъ Хабара, имѣя тайную мысль въ его отсутствіе ворваться въ городъ и пограбить его. Однако Хабаръ перехитрилъ хана: онъ попросилъ, чтобы ему сначала показали самую грамоту. Ханъ прислалъ грамоту, а Хабаръ, получивъ ее и видя, какъ татары столпились подъ стѣнами города, велѣлъ дать залпъ по нимъ изъ всѣхъ пушекъ. Татары въ страхъ разбѣжались, а ханъ, боясь стоять долго подъ Рязанью, ушелъ въ Крымъ, оставивъ грамоту въ рукахъ Хабара. Однако бѣдствіе Московскаго государства было ужасно: татары, говорятъ, увели съ собою нѣсколько сотъ тысячъ плѣнныхъ. Съ тѣхъ поръ крымцы были вѣчными врагами Москвы до самаго покоренія Крыма.

Отношеніе къ боярамъ. Еще болѣе, чѣмъ отецъ, Василій дорожилъ своей властью и требовалъ отъ бояръ повиновенія. Бояре роптали, жадовались, что онъ обращается съ ними, какъ со смердами, встрѣчи (противорѣчія) не любить и всё дѣла рѣшаетъ безъ нихъ въ кругу своихъ нѣсколькихъ совѣтниковъ изъ простыхъ людей. Разъ одного боярина, противорѣчившаго ему, онъ выгналъ вонъ изъ совѣта со словами: «Пошелъ вонъ, смердъ, ты мнѣ не надобенъ». Иностранный посолъ Герберштейнъ, описывая Василю, говоритъ, что властью онъ превосходитъ всѣхъ государей на свѣтѣ; русскіе люди, по его словамъ, считаютъ, что воля государева есть воля Божія, а про дѣло неизвѣстное обыкновенно говорятъ: «Знаеть то Богъ да великій князь».

Рожденіе Іоанна. Не имѣя дѣтей отъ жены своей Соломони, Василій развелся съ ней, но и первые годы второго брака великаго князя, женившагося на молодой, красивой Еленѣ Глинской, къ великому огорченію его, оставались бездѣтными. Усердно молился князь, чтобы Богъ послалъ ему дитя, ѣздилъ по монастырямъ, раздавалъ милостыню, строилъ церкви; такъ, близъ Коломенскаго, въ селѣ Дьяковѣ, была выстроена церковь, замѣчательная по чисто-русской архитектурѣ. Желаніе князя, наконецъ, исполнилось.

Князь и народъ приписывалъ дарованіе ему сына молитвамъ инока Нафнутія Боровскаго. Говорятъ, будто юродивый Дементій предсказалъ, что готовящаяся стать матерію Елена родитъ Тита широкій умъ. Грозный впоследствии царь, по извѣстію одной лѣтописи, былъ рожденъ въ грозѣ и бурѣ. Народное сказаніе прибавляетъ, что когда Іоаннъ появился на свѣтъ, войска, сражавшіяся въ это время подъ Казанью, почувствовали вдругъ необъяснимую храбрость и пылъ. Радость великаго князя была безгранична. Іоанна повезли въ Троицкую лавру и тамъ окрестили его. Новорожденный былъ положенъ на гробницу преподобнаго Сергія. Черезъ три года у Василю родился еще сынъ Юрій.

Смерть Василю III. Лѣтомъ князь, проводившій время въ подмосковныхъ селахъ, часто ѣздилъ на богомолье по монастырямъ и на охоту — псовую или соколиную.

Въ сентябрѣ 1533 года великій князь, побывавъ у Троицы, поѣхалъ съ семьей въ Волоколамскъ, чтобы тамъ «тѣшиться осеннею охотою». Дорогой на лѣвомъ бедрѣ у великаго князя появился небольшой, но злокачественный нарывъ. Несмотря на это, послѣ Покрова великій князь былъ въ Волоколамскѣ на пиру у своего любимца Шигоны Поджогина и, не утерпѣвъ, поѣхалъ съ собаками и ловчими въ поле. Но съ охоты его принесли за носилкахъ. Вызванные изъ Москвы придворные врачи — нѣмецъ Николай Булевъ и Теофиль — прикладывали къ нарыву пшеничную муку со льдомъ и лукомъ и какую-то мазь, отъ которой пошелъ гной. Больному становилось хуже, и онъ дѣлалъ предсмертныя распоряженія. Привезенное изъ Москвы старое духовное завѣщаніе было сожжено. Стали составлять новое. Князь хотѣлъ умереть въ Москвѣ.

Въ Москву везли больного уже недвижимаго въ киптанѣ, или возкѣ. Противъ Новодѣвичьяго монастыря, просѣкая тонкій ледъ (стоялъ ноябрь мѣсяць), навели мостъ. Но четверка лошадей, везшая возокъ, провалилась; дѣти боярскія подхватили возокъ и обрѣзали гужи у оглобель.

Переправа совершилась подъ Доргомиловымъ на поромѣ. Съ больнымъ княземъ въѣхали въ Кремль рано утромъ, чтобы не оглашалось его безнадежное состояніе.

Въ лѣтописи изображается трогательное прощаніе государя съ 3-лѣтнимъ сыномъ Иваномъ, котораго принесли на рукахъ, и съ великою княгинею, которую держали подъ руки, а она вопила и билась.

Передъ смертью великій князь пожелалъ принять схиму. Послѣ возраженія нѣкоторыхъ бояръ и брата князя Андрея и указанія на то, что Владимиръ Кіевскій хотя и не чернецомъ умеръ, а сподобился быть праведнымъ, постриженіе все-таки было совершено. Около великаго князя стоялъ любимый бояринъ его Шигона, который видѣлъ, что послѣ того какъ положили Евангеліе на грудѣхъ князя, духъ его «отошедшій яко дымець малъ». Дворецъ огласился рыданіями. 5 декабря тѣло великаго князя, при звонѣ колоколовъ и рыданіи народа, перенесено и предано погребенію въ гробницѣ въ Архангельскомъ соборѣ.